
Не вы ли вылили
случайно чаяния?
Как будто буднями
не будет пут...
Не мы ли вымыли
волной молчания
Всю нужность нежности
и там и тут?
Меня примерами
без меры мерили,
Вели веленьями,
смакуя власть.
Так не стоните же
по крайней мере вы.
Вы бились доблестно,
мечта сбылась.

То волна, то струна - спина.
То спокойна, то напряжена.
Но не каменная она,
Не опора и не стена.

Рук и цепкость и вялость есть.
То сожмут, то отбросят крест.
Но они не укажут мест -
Тех, где жены милей невест.

А во взгляде - то сушь, то блажь,
То бесцветие, то витраж.
Но незыблем хронометраж,
Хоть мастикой глаза замажь.

И вот этот пунктир в груди:
Он как будто и есть и нет.
Как упущенные пути,
Как в снегу прошлогоднем след.

Осеннее. Ночное.

В черном небе тонут слепые верхушки деревьев,
Погружают ветки покорно в тягучий мрак.
Фонарей вереница - буйки, а за ними - безмерье,
Словно вымерло море, а горизонт иссяк.

И фонарь представляет себя морским ежом:
Распускает иголки, пронзает, колется, жалит.

До утра его глаз воинственный не смежён.
Лишь к рассвету, ссутулившись, нехотя засыпает.

Растворяется тьма, утомленная этой борьбой.
Неприкаянно смотрят деревья в свинцовые тучи.
Им бы вновь окунуться ветвями в ночной прибой:
Осень поздняя - серая, ночью осенью - лучше.

С какого бы краю ты ни подошел,
С какой колокольни ни глянул,
Но этот набросок карандашом
Не выдаст ни суть ни изъяны.

Он просто эскиз на полях - не боёв,
А шляпы скучающей дамы.
И из-под широких отвесных краёв
Не видно ни счастья ни драмы.

Он простенький очерк, легкий абрис.
Неверной рукою начертан.
Я ластик возьму, твой сотру каприз -
И весь инцидент исчерпан.